

Прошло немало времени, прежде чем Цзи Сюэинь замерла. Она так и не решилась поднять глаз и лишь приглушенно, запинаясь, пробормотала:

— Брат, ты только на Вэй Ицзуня не сердись, он ведь правда не виноват. Он никогда не видел тебя в деле, вот и решил, что... В общем, мне кажется, он очень надежный и преданный человек.

Она замолчала, а потом вдруг обхватила меня за руку и, прижавшись нежной щекой к плечу, зашептала еще тише:

— Брат, когда ты дерешься, ты выглядишь потрясающе... Но и когда не дерешься — тоже. Они ведь всё равно тебя слушаются. Так что пусть всё остается как есть. Я больше не хочу, чтобы ты из-за меня попадал в больницу или чтобы папа на тебя орал...

Сказав это, она резко развернулась и выбежала из комнаты. А на руке, там, где только что было её лицо, осталось влажное пятно. Я молча коснулся этого места — сердце на миг пронзила острая, необъяснимая боль. Она всё-таки расплакалась.

Некоторое время я сидел в оцепенении, но потом, как обычно, вытер волосы и засел за учебники. Ровно в десять, когда Мама Цзи заглянула проверить меня, я уже собирал рюкзак, делая вид, что ложусь спать.

— Сяо Лин, завтра похолодает, — наказала она, — обязательно надень с утра плотный джемпер, не забудь.

Она приготовила одежду на завтра, задернула шторы и, дождавшись моего кивка, со спокойным сердцем вышла, прикрыв дверь.

Наконец наступила тишина. Я вытянулся на кровати, утопая в уютном тепле одеял, но сон не шел — разум будоражили мысли. Пальцы непроизвольно коснулись ребер с левой стороны. Ощущения были совсем не те, что у Цзи Сюэинь. Её робкие, бережные прикосновения пробудили во мне чувства, которые, казалось, были давно и глубоко похоронены.

Мои воспоминания о жизни до восьми лет почти стерлись из-за пожара, случившегося перед самым моим уходом из приюта. Наверное, в том прошлом было слишком много боли и отторжения, раз я — человек с довольно жестким характером — предпочел всё забыть.

Однако где-то в закоулках сознания осколки памяти всё же сохранились.

Иногда мне снится нежный и печальный голос, шепчущий сквозь слезы: «Малыш, как же ты без меня...» И я чувствую на волосах ласковое, но ледяное прикосновение руки.

А порой приходят сны о прямом, твердом взгляде и уверенном голосе. Человек с

натруженными руками подхватывает меня, усаживает на колени и, смеясь, взъерошивает мне волосы: «Малыш, ну ты даешь! Ты точно будешь самым сильным!»

Думаю, это были мои родители. И их обоих уже нет в живых.

Следующий день прошел как обычно. Цзи Сюэинь, снедаемая беспокойством, вела себя тише воды ниже травы. Она всерьез опасалась, что моё уязвленное самолюбие выльется в ссору с Вэй Ицзунем. Глядя на то, как эта гордячка, редко считающаяся с чьим-то мнением, печется о его благополучии, я одновременно и радовался за друга, и не мог удержаться от искушения её подразнить. Поэтому я напустил на себя мрачный и отрешенный вид, заставляя сестренку изнывать от неизвестности.

Весь день она ходила за мной как побитая собачонка, и лишь дома смогла перевести дух. Вечером она снова просочилась в мою комнату и, заискивающе заглядывая в глаза, принялась ловить малейшую перемену в моем лице.

— Есть дело? — наконец спросил я.

Стоило мне заговорить, как девчонка мигом сорвала наушники, вскочила с кровати и втиснулась между мной и письменным столом.

— Брат, ну ради меня, — жалобно заканючила она, — не злись на Вэй Ицзуня, ладно? Ну давай честно: раньше за тобой толпы ходили, но хоть кто-нибудь из них думал о том, чтобы тебя защитить? Нельзя же так отвечать на искреннюю доброту!

Я приоткрыл глаза, подавляя смешок, и, выдержав театральную паузу, важно хмыкнул:

— Ну... хорошо.

— Брат, ты просто мировой человек!

Сяо Инь, сияя от счастья, бросилась мне на шею и едва не опрокинула меня вместе со стулом. Я ловко подхватил её за тонкую талию и усадил на край стола. Заметив мой насмешливый взгляд, она вдруг густо покраснела — этот нежный румянец был прекраснее лепестков персика.

— Что-то еще?

— Ну... — Цзи Сюэинь прикусила губу и, не смея поднять глаз, пролепетала: — Понимаешь, Юй Цзиньян уже несколько раз предлагал подвозить меня до школы на их машине. Я пока

отказываю, но он так настаивает... Прямо не знаю, что делать, пристал как банный лист!

Тщеславная девчонка. Если бы она действительно не хотела соглашаться, то не пришла бы ко мне с таким нарочито сомневающимся видом. Я с улыбкой склонил голову набок, разглядывая её. Стоило ей вскинуть взгляд и наткнуться на мой взгляд, как она тут же принялась в шутку брыкаться, задевая меня ногами.

— Брат, ну скажи, мне соглашаться или нет? Если скажешь «нельзя», я ни за что не кивну!

Я немного помолчал, обдумывая ответ, а потом спросил:

— А что, если в следующем году королевой школы выберут не тебя? И Юй Цзинъян перестанет присылать за тобой машину? Что тогда делать будешь?

— А?

Цзи Сюэинь изумленно приоткрыла рот. Очевидно, купаясь в лучах своего нынешнего триумфа, она даже не задумывалась о том, как больно будет падать с этой высоты.

Пока она пребывала в растерянности, я терпеливо ждал, давая ей возможность самой всё взвесить.

Раньше она привыкла перекладывать свои проблемы на мои плечи, и те детские трудности были мне вполне по силам. В былые времена за мной шли те, кто был слабее или трусливее, им требовалась моя защита и лидерство. Разумеется, это приносило массу хлопот, и больше всех их доставляла Цзи Сюэинь.

Как-то раз она подарила лучшей подруге свою любимую заколку. Потом они разругались, сестренка захотела подарок назад, но просить самой было унижительно, и она извела меня просьбами отобрать вещь силой. Заниматься такой чепухой я, конечно, не стал. Но и расстраивать её не хотелось. Я сказал: «Дай мне месяц». Через месяц я подарил ей новую заколку, куда дороже и красивее прежней, и она была вне себя от восторга.

Но нынешний вопрос нельзя было решить, просто сэкономив карманные деньги. Мы — семья среднего достатка. У папы хоть и своя небольшая фирма по продаже канцтоваров, старенькая Jetta и грузовичок для доставок, но в школу мы всегда ездили на велосипедах.

Я знал, насколько болезненно самолюбие Цзи Сюэинь. Если она сядет в «персональное авто», ей придется ездить на нем все три года, иначе она потребует, чтобы я избил Юй Цзинъяна до тех пор, пока тот не исчезнет из школы. А поскольку я завязал с прошлым, выполнить это условие я бы не смог.

Следующие два дня Цзи Сюэинь ходила задумчивой, и я её не торопил. Я не стал говорить

прямое «нет», надеясь, что она сама поймет: отказ — единственное мудрое решение.

Я никогда не недооценивал её сообразительность. Даже в ситуации с Гао Нином. Когда я впервые заступился за него, она устроила настоящую сцену. А узнав, что он стал моим другом, и вовсе перестала со мной разговаривать и отказалась от ужина.

— С кем это Сяо Инь не ладит? — с сомнением спросила Мама Цзи за столом.

Поскольку мы с сестрой всегда были не разлей вода, ей и в голову не пришло, что мы могли поссориться.

— Всё в порядке, — как ни в чем не бывало ответил я, продолжая ужинать, — я ей попозже в комнату еду занесу.

Папа Цзи мазнул по мне взглядом:

— Нечего баловать. Проголодается — сама выйдет.

Я лишь улыбнулся, не поднимая головы. А когда со стола было убрано, всё же прихватил немного сладостей и прокрался в комнату Цзи Сюэинь.

<http://bllate.org/book/17483/1693238>